

- 2 Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. — М.: Рус. яз., 1987. — С. 121.
- 3 Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. — М.: Просвещение, 1985. — С. 112.
- 4 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 1–4. — М.: Рус. яз., 1989–1991. — С. 505.
- 5 Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. — 2-е изд., стереотип. — М.: Сов. энцикл., 1968. — 543 с.
- 6 Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. — 18-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1986. — 797 с.
- 7 Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии. — М.: Просвещение, 1988. — 192 с.
- 8 Винокур Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке // Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1959. — С. 26.

В.Д.Нарожная

Орыс фразеологизмдерінің құрамындағы лексикалық және фонетикалық архаизмдер

Мақала өзінің құрамында түрлі көне элементтері бар, қазіргі орыс тілінде маңызды орын алатын фразеологиялық тіркестерді талдауға арналған. Бұл фразеологизмдерді жүйелеу тілдің жалпы көрінісін беріп қана қоймайды, сонымен бірге ежелгі орыс тілі сөздік құрамын, оның тарихи фактілеріне сүйеніп, қалпына келтіруге мүмкіндік туғызады.

V.D.Narozhnaya

Lexical and phonetic archaisms as a part of Russian phraseological units

The article is devoted to the analysis of the Russian phraseological units, which contain different archaic elements in their structure forming a considerable layer in the Russian language. Systematization of the phraseological units will not only provide the general language image, but also makes it possible to reconstruct the former Russian language word stock relying on its historical facts.

УДК 81'373:811.512'161.1

С.К.Сансызбаева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (E-mail: sk_sansyz@mail.ru)

Узуальные коннотативные особенности казахско-русских зооморфизмов

В статье рассмотрены особенности стереотипного функционирования названий животных (зооморфизмов) казахского и русского языков. В качестве примера приведены узуальные значения распространенных зооморфизмов казахского и русского языков.

Ключевые слова: зооморфизм, зооморфная метафора, узуальная коннотация, языковая картина мира.

В современной лингвистической науке под узусом понимается «массовая и регулярная воспроизводимость данной единицы языка, отработанная и закреплённая в общественном употреблении» [1]. Узус, обладая свойствами национальной детерминированности, подвергается действию социолингвистических, культурных и других факторов.

Узуальными особенностями зооморфных метафор казахского и русского языков можно считать приобретение ими стереотипного характера, что зачастую отражается в паремиологическом фонде языков. В качестве стереотипных употреблений, имеющих аналогию в двух языках, можно назвать следующие, функционирующие в составе паремиологических единиц:

а) употребляющиеся в значении «преувеличение»: *Делать из мухи слона — Түймедейді түйедей етіп* (из пуговицы верблюда делать);

б) характеризующие нужду: *На безрыбье и рак — рыба — Балық жоқта бақа да — балық* («когда рыбы нет, и лягушка — рыба»);

в) обозначающие пользу, выгоду: *Лучше синица в руках, чем журавль в небе — Аспандағы сұңқардан қолындағы тұрымтай артық* (Кобчик в руках лучше сокола в небе), *Өлі арыстаннан тірі тышқан артық* (Лучше живая мышь, чем мертвый лев), *Таңдағы тауықтан сол күнгі жұмыртқа артық* (Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра);

г) характеризующие отношения людей: *Жить как кошка с собакой — Ит пен мысықтай тұру*;

д) характеризующие особенности человеческого характера: *заячья душа — қоян жүрек, львиное сердце — арыстан жүрек, вешать собак — аузынан ақ ит кіріп, қара ит шығу* и др.

Общеизвестным фактом является существование тотема волка в сознании тюркских народов. Так, тюркские племена считали своим «хранителем» и «защитником» волка (*көк бөрі*). Названия *көк бөрі*, *көкжал бөрі* не были связаны с темно-серым окрасом животного, а выражали его принадлежность к синему небу, к высшим небесным силам, присваивая свойства «храбрый», «священный», «сильный». Изображение волка на флагах тюркских племен было обязательным атрибутом.

Этим и другими факторами обусловлено символическое значение данного животного в жизни тюркоязычных народов. В казахском языке можно встретить образные выражения, паремиологические единицы, нашедшие отражение в языке в результате мифологического восприятия и древних поверий казахского народа. Так, выражение *тәңірдің серісі*, пословица *Иттің иесі бар, тәңірдің серісі бар* обозначало принадлежность тотема к высшим силам, а выражения *тік құлақ, қара құлақ, ұлыма, серек құлақ, көкжал, ит-құс* и другие являются признаками табуирования названия животного. Древние предки казахов, в отличие от их современных потомков, употребляли в пищу мясо животного, убитого волком, поскольку считалось, что оно убито священным для тюрков животным. У казахов было много поверий, связанных с волком. Так, если путнику встречался волк, это считалось хорошей приметой, если в семье после рождения умирали дети, на шею новорожденного ребенка вешали амулет из волчьего клыка. Это должно было способствовать долголетию ребенка, защищало его от сглаза. Сильного противника казахи называют «нағыз көкжалдың өзі», что означает «отважный», «смелый».

В славянской мифологической символике волки, наряду с собаками, объединяются с нечистыми животными, не употребляемыми в пищу, характерным признаком которых является слепота или слепорожденность. Согласно славянским легендам, черт слепил волка из глины или вытесал из дерева, но не смог его оживить. Оживленный Богом, волк бросается на черта и хватает его за ногу. Определяющим в символике волка является признак «чужой», он соотносится с миром мертвых, предков, «ходячих» покойников и др. Волк противостоит человеку как нечистая сила: его отгоняют крестом, он боится колокольного звона, ему нельзя давать ничего освященного. Волк воспринимается древними предками русских как «инородец» (ср. стаю волков называли «ордой», в заговорах волков называли «евреями»).

Универсальным для казахского и русского мифологического образа волка является то, что волк считался посредником между людьми и силами другого мира. Также считалось, что задирая скотину, волк действует не по своей, а по Божьей воле (ср.: *что у волка в зубах, то Егорий дал*). Похищение волком скота воспринимается нередко как жертва и сулит хозяину удачу. Так же, как в казахском, в русском языке существовало табу, связанное с названием животного, которое заменялось эвфемизмами «серый», «зверь», «кузьма», «бирюк», «лыкус» и др. Глаз, сердце, зубы, когти, шерсть волка часто служили амулетами и обладали лечебными средствами у славян. Волчий зуб давали грызть ребенку, у которого прорезываются зубы. Волчий хвост носили при себе, чтобы избежать недомоганий и болезней. Нередко оберегом считалось произношение и упоминание имени волка. Так, о появившемся на свет теленке (жеребенке, поросенке) говорили: «Это не теленок, а волчонок». При этом были поверья и приметы негативного содержания: вой волков предвещал беду, голод, вой волков под домом — войну, осенью — дожди, зимой — метель. Волк, забежавший в деревню, был верным признаком неурожая, множество волков сулили войну.

Таким образом, можно говорить об огромной социальной, культовой и ритуальной значимости образа волка с древнейших времен для тюркских и славянских народов.

Тем не менее, несмотря на тотем волка у тюркских народов, существует общепринятая, универсальная для казахского и русского народов узуальная коннотативная семантика данного зооморфизма. Название животного *волк/қасқыр* в русском и казахском языках зачастую является описанием жадного, злого, вероломного человека. Подтверждением тому является паремиологическое отражение зооморфизма в русском языке: *Сколько волка не корми — он все в лес смотрит*, соответствующее казахскому *Асыранды қасқыр да далаға қарап ұлиды* (Прирученный волк все равно воеет в сторону степи), *Волк в овечьей шкуре, Волком быть, Смотреть волком* и др. В казахском языке выделяются следующие: *Бөрінің аузы жесе де қан, жемесе де қан* (Украл волк или нет, а пасть у него всегда в крови), *Қасқыр қасқырлығын қоймайды* (Волк не перестанет быть волком), *Қасқырды сұрлығы үшін емес, ұрлығы үшін ұрады* (Волка бьют не за то, что он сер, а за то, что он овцу съел), *Қасқыр қарызын терісімен төлейді* (Волк собственной шкурой расплачивается за долги), *Қасқыр мен ұры мінездес: екеуі де түнді аңиды* (Вор, как и волк, любит ночь), характеризующие постоянство признаков «жадность», «ненасытность». Отсюда следует, что общая коннотативная семантика зооморфизма *волк* является тождественной для русского и казахского языков.

Под коннотацией мы, вслед за В.Н.Телией, понимаем компонент, «который дополняет денотативное и грамматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода: с ассоциативно-фонovým (эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим и т.п.) знанием говорящих на данном языке о свойствах или проявлениях обозначаемой реалии либо ситуации, с рационально-оценочным или эмоционально-оценочным (эмотивным) отношением говорящего к обозначаемому, со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, ее формы и т.п.» [2].

Зооморфные номинации, употребляющиеся для метафорической характеристики человека в русском и казахском языках, обладают следующими общими особенностями:

- повышенная степень оценочности (в отличие от зооморфизмов, используемых для характеристики конкретных предметов, не всегда имеющих оценочные коннотации; ср., например: *конь* в значении «животное» — *конь* — «гимнастический снаряд» в русском языке и *арыстан* (*лев*) — «дикое животное» — *арыстан* — «название астрологического знака»);
- зооморфизмы, проецируемые на человека, обладают ярко выраженным эмоционально-экспрессивным характером (ср., например: *зверь* в русском и *аң* в казахском — экспрессивная номинация человека, обладающего крайней жестокостью, силой);
- антропоориентированные зооморфизмы выступают в качестве средства образной характеристики, а не названия обозначаемого (ср., например, в русском и казахском языках: *медведь / аю* — «о косолапом, неуклюжем человеке», *цапля / тырна* — «о высоком, длинноногом человеке»);
- рассматриваемые зооморфные образы, как правило, выражают оценку какого-либо параметра внешности, поведения человека, соотносительного с главным параметром восприятия образа животного (ср.: *лебедь / аққу* — «о стройной, красивой женщине (девушке)», *жираф / керік* — «о высоком человеке»);
- зооморфизмы, характеризующие человека, могут выражать как общеоценочные, так и частнооценочные смыслы, основанные на этнокультурных стереотипах языкового сознания (см., например, *собака* — зооморфизм, имеющий общеоценочную — как положительную, так и отрицательную — характеристическую функцию по отношению к человеку; ср. перен. бранное *Собака паршивая!* и одобрительное *Умен, собака!* в русском языке; каз. *Иттің баласы!* (*Собачий сын!*) может употребляться как в качестве бранного выражения, так и в функции одобрительно-иронического восклицания в адрес человека, вызывающего симпатию. Частнооценочными смыслами зооморфизма *собака* являются «злой», «преданный» и др.).

Важным свойством зооморфной метафоры является то, что образ животного, выбираемый в качестве основания для сравнения, опирается на национальные стереотипы сознания.

В казахском национальном языковом сознании образ лошади, представленный синонимическим рядом *жылқы, ат, тұлпар*, ассоциируется с такими качествами человека, как быстрота, грация, изящество, хорошая порода. У казахов существовала традиция преподносить в дар молодоженам, особо почитаемым родственникам лошадь. Также имела место возрастная градация, в которой есть определение возраста мальчика, выраженное фразеологизмом *Ат жалын тартып міну* (букв. взбираться на лошадь, ухватившись за его гриву) в значении «повзрослеть, возмужать». По мнению академика А.Кайдара, «фразеологизм относится к числу устойчивых выражений, определяющих возраст и

возрастную характеристику молодого человека. В данном случае периоду, когда ребенок может самостоятельно, без помощи других, ухватившись за гриву коня (жеребенка двух-трех лет), взобраться на него, соответствует возрасту от семи до двенадцати лет. Раньше среди казахов в этом возрасте подросток считался вполне самостоятельным наездником. Например: *Алыс елдің қонақтары бірсәрі болса, Тобықтының өзінен де ат жалын тартып мінген еркектен бірде-біреу қалмағандай.* — Не говоря о множестве гостей их соседних аулов, из самого же рода Тобыкты сюда прибыли все мужчины (т.е. кто смог самостоятельно сесть на коня) [3].

Для носителя русского языка лошадь — трудовое животное, ассоциирующееся с большим, тяжелым трудом в поле и на подворье, перевозкой тяжелого груза. Следует отметить, что в основе таких устойчивых сравнений с образом лошади, как *работать как лошадь*, *пахать как лошадь*, *ломовая лошадь* и другие лежит факт из быта русского народа — запрягать лошадь или несколько лошадей (ср.: *тройка лошадей*) в упряжку, перевозить на лошадях людей, груз и др. По этой причине образ лошади в русском национальном сознании ассоциируется с трудолюбивым, выносливым, покорно выполняющим тяжелую работу человеком. У казахов, напротив, отсутствовала традиция запрягать лошадь в упряжку, лошадь, как правило, считалась предметом достатка и гордости хозяина, поэтому ее берегли, за ней ухаживали, кроме того, лошадь являлась участницей национальных скачек (байги, кокпар и др.), где оценивались не только ее сила, скорость и выносливость, но и внешний вид. Об этом свидетельствует паремиологическое высказывание: *Ат өнері білінбес бәйгеге түсіп жарыспай*, что буквально означает «Не узнаешь красоту лошади, пока не начнется байга (скачки)», *ат құлағында ойнау* — «владеть высоким искусством наездника», «лихо джигитовать».

Таким образом, в русском языке лошадь — символ тяжелой, трудовой деятельности, а в казахском — символ свободы, красоты и грации. Этот факт нашел отражение в геральдике суверенного Казахстана: на гербе нашей республики изображена лошадь с крыльями, которые служат дополнением символа свободы (ср.: *ат — адамның қанаты*). В плане содержания данный зооморфизм реализован в следующих образных сравнениях: *аттай шабу*, *тұлпардай ұшу* — «передвигаться быстро, грациозно как лошадь» и др.

Зооморфические глаголы так же, как и зооморфизмы, являются единицами вторичной номинации, в процессе которой в слове создаются экспрессивные и эмоционально-оценочные оттенки. Большинство глаголов русского языка, производных от названий животных, в узуальном употреблении имеют негативную оценку характеризуемого объекта. Например: *выдроглазить* (уст.), *тетериться* (уст.), *крыситься* (уст.), *пташничать* (уст.), *обезьянничать*, *петушиться*, *собачиться*, *присобачить*, *козлогласить*, *попугайничать*, *звереть*, *зверствовать*, *воронить*, *кабанеть*, *лиситься*, *бычьиться*, *змеиться*, *баранеть*, *оскотиниться*, *раздраконить*, *стадиться*, *табуниться*, *шакалить*, *прищучить*, *еришиться*, *ишачить*, *ослить*, *свинячить* и др. В казахском языке с отрицательной коннотацией выступают зооглаголы *қораздану*, *арыстаншылау*, *кірекестену*, *қорқаулану*, *маймылдану*, *сырышылау*, *қаздаңдау*, *борсылдау*, *иттену*, *итырықтау* и др.

Зооморфические глаголы могут образовать две группы: 1-ая группа — глаголы действия и состояния, 2-ая группа — глаголы говорения, звучания и речи. К первой группе в русском языке относятся глаголы: *бычьиться*, *воронить*, *гадить*, *голубить*, *ежить*, *ерошиться*, *еришиться*, *жабеть*, *жеребачиться*, *жучить*, *звереть*, *ишачить*, *козлить*, *короветь*, *кабанеть*, *копытить*, *лиситься*, *моржеваться*, *мышковать*, *паутинить*, *петушиться*, *пресмыкаться*, *раздраконить*, *советь*, *свинячить*, *оскотинить*, *муравьиться* и др.: в казахском — *қораздану*, *арыстаншылау*, *кірекестену*, *қорқаулану*, *маймылдану*, *сырышылау*, *қаздаңдау*, *борсылдау*, *иттену*, *итырықтау* и др. Ко второй группе относятся зооморфические глаголы русского языка — *куковать*, *кукареть*, *мурлыкать*, *блеять*, *лаять*, *ржать*, *хрюкать*, *кудахтать*, *мычать*, *крякать*, *чирикать*, *сверчать*, *свиристеть* и др.; казахского языка — *маңырау*, *мяулау*, *ұру*, *қақылдау*, *саңқылдау*, *шытбыттау* и др.

Узуальная коннотация зооглаголов имеет стилистическую окраску, которая служит своего рода стимулом для эмотивности. Большое количество зооморфических глаголов выражает отрицательные коннотативные значения, которые отмечаются в словарях пометами *пренебрежительное*, *просторечное*, *грубо-просторечное*, *неодобрительное*, *бранное* и др. С этим фактом связано более частотное употребление данных языковых единиц в разговорном и публицистическом стилях по сравнению с художественным. Некоторые зооморфизмы, от которых образуются зооглаголы, могут сочетать в себе положительные и отрицательные коннотативные признаки. Таковы, к примеру, киноморфизмы *собака* в русском и *ит* в казахском языках. Несмотря на то, что зооморфические глаголы, производные от названий этих животных, имеют, в основном, коннотативные признаки

одной направленности, нередко наблюдается определенная противоположность в эмоциональной оценочности, ср.: *насобачиться* — «научиться ловко что-либо делать, приобрести опыт в чем-либо» — имеет положительную оценочность, тогда как *присобачить* — «сделать кое-как, недобросовестно, прикрепить, приделать что-либо кое-как» — употребляется в пейоративном значении и *рассобачиться* — «распутиться» — также выражает негативную оценочность.

Казахские зооглаголы, образованные от названия животного *ит*, также изобилуют противоречивыми коннотативными признаками, ср.: *иттену* — «заслужить неуважение, недоверие своим поведением» — оценивается отрицательно; такую же негативную оценочность имеет зооглагол *иттесу* — «враждовать с кем-либо», однако глаголы *итырықтау* и *итшілеу* употребляются если не в положительной оценочной функции, то имеют нейтральную эмоциональную окрашенность, так, киноморфический глагол *итырықтау* означает «устать», *итшілеу* — «испытывать невзгоды и лишения»; в семантике последних также содержится элемент жалости.

Помимо отрицательной коннотации нами зафиксированы и некоторые положительные значения глаголов, производных от названий животных. Нужно отметить, что такие единицы встречаются крайне редко. Так, в русском языке глагол *голубить* выступает в значении «ласкать, нежить, лелеять», *приголубливать* означает «ласкать, миловать, нежить», *голубиться* — «ласкаться, миловаться».

В казахском языке глагол *голубить* не имеет аналогии, однако в лексикографических источниках представлен ряд других глаголов, имеющих положительную коннотацию. Так, глагол *жанаттану*, производный от названия животного *жанат* (*енот*), выступает в значении «расцвести, похорошеть»; глагол *құндыздалу* имеет похожее значение, которое можно дополнить признаками «заблестеть, ослепить красотой», что совершенно несовместимо со значением русского слова *выдра* (ср.: *выдроглазить* — «глядеть нагло, нахально»).

Зооморфические глаголы часто могут выступать в речи в роли синонимов существующих глаголов, они имеют в качестве основного только одно переносное значение и самостоятельного смыслового ряда образовать не могут (например, глагол *лисить* соотносится с глаголом *хитрить*, *тулкілену* — с глаголом *қулану*).

Русские глаголы, производные от названий животных, чаще всего являются характеристикой поведения человека, его поступков. Так, глагол *жеребачиться* выражает значение «легкомысленно, без удержу резвиться, шалить» (на основе сходства с поведением детеныша лошади), *свинячить* означает «вести себя свиньей, делая что-либо, оставляя после себя грязь, беспорядок, загрязнять где-нибудь, пачкать»; устаревшая форма глагола *навлиниться* имеет значение «принимать надменный, спесивый вид, гордиться, чваниться»; глагол *воронить*, употребляющийся чаще в форме совершенного вида *проворонить*, выступает в значении «быть рассеянным, невнимательным, нерасторопным; упустить что-либо»; *ершиться* означает «проявлять неуживчивость, горячиться, спорить»; глагол *зверствовать* имеет значение «поступать крайне жестоко, свирепствовать», *звереть* значит «приходить в ярость, становиться зверем». Если слово *ишак* в русском языке, несмотря на отрицательную коннотацию, имеет какой-то признак трудоспособности (ср.: *ишачить* — «выполнять трудную, неблагодарную работу»), то со словом *осел* в сознании носителей русского языка возникают ассоциации, связанные с признаками «тупость, глупость», отсюда *ослить* — «глупо, неудачно острить».

Казахские глаголы, производные от названий животных, могут характеризовать как поведение человека (ср.: такие глаголы как *арыстаншылау* — «стремиться к чему-нибудь недоступному»; *жолбарыссыну* — «храбриться, придавать себе смелое, наглое выражение лица»; *кірекестену*, производный от названия животного *кірекей* (*медведица*) означает «выставлять себя напоказ, пытаясь казаться грозной»), так и внешние данные: походку, состояние. Например, глагол *сыршылау* выступает в значении «с трудом подниматься с места, передвигаться», *қаздаңдау* означает «ходить быстро перебирая ногами, вприпрыжку», глагол *борсылдау* имеет значение «дышать громко, быстро уставать».

Различные зооморфические глаголы могут иметь общую объединяющую сему: рус. *попугай* и *обезьяна* становятся синонимами, реализуясь в глаголах *попугайничать* — «повторять чужие слова, мысли», *обезьяничать* — «подражать другому, не имея собственного мнения», где общая сема связана с реализацией понятия «подражание». В казахском языке в качестве примера можно привести зооглаголы *арыстаншылау* в значении «пытаться добиться чего-то большего, нереального», буквально — «иметь большие «львиные» планы» и *қоразыну*, употребляющийся в значении «вести

себя подобно петуху». Общей, объединяющей семьей является так же, как и в примере с русскими зооглаголами, сема, реализованная в понятии «подражание».

Большое количество зооморфических зооглаголов, как показывает анализ фактического материала, коррелирует и соотносится со сравнительными оборотами, ср.: *работать как ишак — ишачить, повторять как попугай — попугайничать, прикидываться лисой — лисить, подражать как обезьяна — обезьянничать, важничать как павлин — павлиниться, извиваться как змея — змеиться* и др. Аналогичные примеры из казахского языка: *жанаттай жайнау — жанаттану, маймылдай бұраңдау — маймылдану, итше салтақтау — итшілеу, қорқауша аш көздену — қорқаулану, қораздай көкірек керу — қораздану, сиырдай қозғалу — сиыршылау* и др. [4].

На основе проведенного анализа напрашивается вывод: чем обобщеннее значение (содержание) слова, тем шире сфера его употребления и наоборот: слова с узким (в том числе и специальным) значением существенно ограничены в употреблении. Так, зооморфические глаголы русского языка *ишачить, лисить, окрыситься, раскорветь* и другие в отличие от нейтральных глаголов *работать, хитрить, злиться, располнет* маркируются как разговорные и просторечные. Следовательно, необходимо добавить, что не только узость значения ограничивает сферу употребления словарного элемента, но и его эмоционально-экспрессивная окрашенность.

Зооморфические глаголы составляют значительный пласт в лексике описываемых языков — в большей степени они преобладают в русском языке и в меньшей степени — в казахском. Что касается лексикографического описания данных языковых единиц, следует отметить, что они также представлены в доминирующем большинстве словарями русского языка, в казахских словарях они описаны поверхностно, в словарях синонимов казахского языка зооглаголы практически отсутствуют, что значительно затрудняет описание их синонимических рядов.

Зооморфные образы представляют собой системно-организованные фрагменты вторичной номинации в языковых картинах мира разных народов. Эта системная организация проявляется в наличии синонимических и оппозитивных рядов зооморфизмов, сопоставительных по характеру выражаемых символических значений, описывающих свойства человека через образ животного. Выделяются тематически связанные системы зооморфных номинаций, обладающих разной акцентировкой одного и того же символического смысла. В разных языках представлена своя оценочная иерархия зооморфных метафор, характеризующих человека, организованная по принципу центрально-периферийной соотносительности взаимно дополняющих друг друга основных и второстепенных символических смыслов.

Контрастивно-семантический анализ зооморфных метафор в казахском и русском языках позволяет судить как об узуальных, стереотипных, так и о специфических аспектах образной характеристики человека, выделяемых на основе прототипических представлений о животном (птице, насекомом и т.п.), соотносенных с соответствующей номинацией. Соотношение оценочной параметризации зооморфных метафор с положительной и отрицательной коннотацией обнаруживает некоторые универсалии. При общей тенденции к преобладанию в разных языках отрицательно-оценочных номинаций над положительными, можно отметить некоторую когнитивную специализацию соответствующих групп зооморфных метафор.

Подытоживая сказанное выше, хочется отметить, что казахские и русские зооморфизмы относятся к широкому разряду языковых единиц с производно-номинативным значением и являются составной частью экспрессивного фонда сопоставляемых языков. Узуальное коннотативное значение казахско-русских зооморфизмов создает в языковом сознании стереотипные ассоциации, связанные с тем или иным образом животного в культурной и национальной картине.

Список литературы

- 1 Русский язык. Энциклопедия / Гл.ред. Ю.Н.Караулов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: БРЭ; Дрофа, 1998. — С. 575.
- 2 Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996. — С. 107.
- 3 Кайдар А. Тысяча метких и образных выражений: Казахско-русский фразеологический словарь с этнолингвистическими пояснениями. — Астана: ТОО «Білге», 2003. — С. 37.
- 4 Қазақ мақал-мәтелдері. Казахские пословицы и поговорки /Сост. и пер. М. Аккозин. — Алматы: Мектеп, 2000. — 212 с.

С.К.Сансызбаева

Қазақ-орыс зооморфизмдерінің тұрақты қолданылатын коннотативті ерекшеліктері

Мақалада қазақ және орыс тіліндегі жануарлар атауларының (зооморфизмдердің) таптауырынды қолданылуындағы ерекшеліктері қарастырылды. Қазақ және орыс тілдеріндегі кенінен таралған зооморфизмдердің тұрақты қолданылатын мағыналары мысал ретінде қарастырылған.

S.K.Sansysbaeva

Usual connotative peculiarities of zoomorphisms in Russian and Kazakh languages

The report examines peculiarities of the stereotypical functioning of the zoomorphisms in Kazakh and Russian languages. Usual meanings of the wide-spread zoomorphisms of the Kazakh and Russian languages are given as an example.

УДК 81'1

Ф.К.Исенова, К.Сатибекова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: fatima_9@mail.ru)

Окказиональность в аспекте соотношения категорий языка и речи

Статья посвящена одному из актуальных вопросов русистики — описанию словообразовательной системы современного русского языка. Рассмотрены типологические свойства окказионального слова, причины его создания, особенности функционирования в тексте, а также проблема освоения окказионализмов в литературном языке. Предложен анализ основных теоретических работ по окказиональному словообразованию, в частности, по проблеме разграничения таких понятий, как «неологизм» и «окказионализм».

Ключевые слова: окказионализм, словообразовательная модель, словообразовательный тип, неологизм, потенциальность, индивидуально-авторское слово, узуальность, художественный текст.

Словообразовательная типология окказионализмов, их стилистическое своеобразие, а также функционирование в пределах пространства художественного текста представляет несомненный интерес для исследователей языка как с практической, так и с теоретической точки зрения. Как известно, в самом общем виде можно себе представить образ такого слова как необычный, неожиданный (или, наоборот, потенциально заложенный в системе языка) языковой факт, основным свойством которого становится уникальность или на уровне формы (словообразовательной модели), или на уровне содержания (зачастую это появление вместе с формой совершенно иного, отличного от существующего в литературном языке значения).

Окказионализмы ориентированы не на правила, общие для всех носителей языка, а на способности человека использовать возможности, заложенные в системе самого языка. Естественно, что созданные таким образом слова всегда обращали на себя внимание непривычностью и необычностью своей формы, и проблема описания таких слов существовала давно. Несмотря на многочисленные в настоящее время работы, посвященные проблемам образования новых слов в языке, среди ученых нет единого понимания сущности нового слова, единых критериев определения рассматриваемого языкового явления.

Лексическая система наименее жёсткая из всех подсистем русского языка. Лексика прямо или опосредованно отражает действительность, реагирует на изменения в материальной, общественной и